

Карен Давидович Арутюнянц
Иванушка Первый, или Время чародея
Серия «Современная проза (Аквилегия-М)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11642358

*Иванушка Первый, или Время чародея: Повесть. / Арутюнянц К.: Аквилегия-М; Москва; 2014
ISBN 978-5-905730-44-3*

Аннотация

Если двенадцатилетнего человека зовут Иванушкой и у него много талантов, он, конечно же, изобретёт из старого ноутбука говорящее волшебное зеркальце, чтобы подарить его девчонке, в которую влюблён. К тому же ему важно доказать, что он вовсе не дурачок. А ещё к Иванушке по ночам приходит говорящий кот, а на улице то и дело попадаетесь автомобиль-призрак, и сундук с сокровищами, найденный на чердаке заброшенного особняка, обязательно преподнесёт не один сюрприз. Ну а с такими находками жизнь становится загадочной, позитивной и наполненной интересными событиями.

Для читателей среднего школьного возраста (12+).

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Карен Арутюнянц

Иванушка Первый, или Время чародея

Часть первая Зеркальце

Глава 1 В некотором царстве

Чтобы начать записывать это повествование, мне надо всего лишь вылезти из-под одеяла, сесть за монитор и начать стучать по клавиатуре. Вообще, чтобы что-то начать делать, надо всего-то взять и начать. Но это не так просто, когда у тебя температура под тридцать девять и из носа течёт, как из крана.

«Силы воли не хватат», – сказала бы одна знакомая старушка из избушки на опушке. Эта избушка хоть и не на курьих ножках, но если подходить к той опушке с востока, то кажется, что избушка только что прокудахтала и снесла золотое яйцо.

Так! О чём это я? Глупости в голову лезут, лишь бы ничего не делать.

Всё! Встаю, сажусь, пишу. Где моя кружка с горячим чаем и малиновым вареньем?

Итак, завтра мне стукнет четырнадцать, а началась моя история прошлой осенью. Тринадцатого сентября. Ровно четыреста семьдесят три дня назад, когда мне было ещё двенадцать, а остальным моим одноклассникам – по тринадцать лет.

Словом, зовут меня Ваня. Обычное имя, с которым связано на Руси и царствование Ивана Грозного, и сотни тысяч простых человеческих судеб, и похождения сказочного дурачка Иванушки.

Кстати, сразу же хочу внести ясность.

Кто не знал, знайте: Дурачок – это вовсе не Дурак. Давным-давно, ещё до принятия христианства, детей боялись называть «взрослыми» именами – чтобы черти не похитили! Черти жили за «чертой», за кругом, которым человек очерчивал себя, защищаясь от ночной нежити. Между прочим, чертей тогда не очень-то и боялись, над ними больше смеялись. А чего их бояться-то? Вещички таскали, детей крали, ну и что?.. Это русалки заманивали в воду и топили народ, а черти-то никого не губили.

Да... О чём это я? О Дураке. Так вот, ребёнок своё настоящее имя получал лет в десять-тринадцать, на посвящении, а до этого носил ненастоящее имя, детское. Скажем, родился мальчишка первым, получал имя Первак, родился вторым – Вторак, третьим – Третьяк.

О девчонках не знаю, врать не буду.

Ну а если пацан рождался последним, то есть «другим», называли младшего сына чудесным именем Другак. А я в нашем классе, как уже было сказано, самый младший...

Ну а потом как-то так получилось, что Другак превратился в Дурака и стало это имя означать глупого человека, ведь самый младший – он и самый что ни на есть несмышлёный. Хотя с этим можно поспорить. Только спорить я ни с кем не буду. Я просто расскажу свою историю. А там уж сами делайте выводы, если их вообще надо делать.

На чём я остановился? Ага. Жил да был я в некотором царстве, в некотором государстве, в городке на Синей речке, в славном городе Синеграде. Не ищите его на карте. Это название я придумал сам. Мне оно больше по душе.

Вокруг того городка стояли не проходимые для резиновых сапог топи и болота, и такие густые леса, что черники днём с огнём не сыщешь. А я её люблю – чернику. Ну и другие ягоды тоже. И грибы люблю. Кто ж их не любит?

И никаких чертей не боюсь, которые в тёмный лес могут утащить. Берёшь фонарик, электрошокер на всякий случай и вперёд, в царство леших и чертей... Шучу-шучу. Это у меня ОРВИ – острая респираторная вирусная инфекция, вот и шутки такие дурацкие. Люблю я сам с собой пошутковать, когда рядом никого нет. Впрочем, сейчас в моей жизни всё изменилось, а тогда...

...Ещё прошлой осенью я был застенчив, неразговорчив, нелюдим. И ровесники, и взрослые считали меня если не дураком, то уж точно очень странным типом.

Только мало кто догадывался, какие гениальные мысли рождались у меня в голове – от создания вечного чипа до переустройства мира. Если б узнали, точно засмеяли бы.

Отца у меня не было, жили мы с мамой, в нашем небольшом домике, в левой его половине, если смотреть от калитки. А в правой половине обитал Виктор Францевич Пупс, бухгалтер с сахарного завода и чрезвычайно занудный человек.

Как-то раз решил Виктор Францевич сделать моей маме предложение. Явился к нам с шампанским и с букетом ромашек, но мама его отшила. С тех пор Виктор Францевич мне проходу не даёт и говорит разные глупости, например:

– Знаешь, Иван, почему я живу в правой половине нашего дома?

– Почему?

– Потому что я всегда прав! Так и передай своей чудесной маме. И вот что я тебе ещё скажу: будет и на моей улице фейерверк!

Снова отвлекаюсь...

Так вот. Тринадцатого сентября случилось то, что случилось. Я влюбился.

Необыкновенное чувство – любовь! Хочется делать разные глупости, улыбаться, петь, орать! А ещё думаешь, что теперь ты будешь счастлив всегда. Всю оставшуюся жизнь.

А влюбился я в Елену Прекрасную, она старше меня на целых полгода.

Можете не верить, но её и вправду так зовут. Она очень красивая и стройная, а вот папа у Лены – Гор Горыч Прекрасный полная противоположность дочке: толстенький, с короткими ручками и ножками. Сейчас он подполковник полиции, а раньше был майором милиции.

Но это пока к делу не относится.

В классе в тот день ещё никого не было. А я заявился очень рано по той простой причине, что обычно я опаздывал и мне обязательно делали замечание.

– Ваня, – могла сказать Роза Максудовна, наша математичка, – на трамвай не успел? Или на троллейбус?

И все начинали смеяться, потому что в нашем городке отродясь не то что трамваев-троллейбусов, и автобусов-то не было, и сейчас нет. Народ передвигается на велосипедах или, в лучшем случае, на байках.

Забавное слово «байк». Произошло от слова «bicycle», то есть «двухколёсный».

Когда-то, ещё малявкой, я думал, что байкер – это человек, который травит байки. Смешно, да? А он, оказывается, на мотоцикле гоняет.

Но байкеры не признают слова «мотоцикл». На мотике может ездить каждый, кому не лень, а вот стать настоящим байкером дано не всякому.

Байкеры утверждают, что байк – это состояние души. Это как первая любовь. Её не так-то просто забыть.

– Ты бы смог разделить свою жизнь с «железным другом», чтобы он стал тебе дороже матери, отца, братьев, сестёр, бабушек и дедушек? – спросил меня как-то раз истинный байкер Толян. Ему восемнадцать лет, и живёт он в соседнем доме. – А? Что ты на это скажешь,

дружище? Ты разделишь своё личное время, сон, обязанности и даже своё доброе имя с толпой бородатых мужиков в коже, которые говорят только о байках, живут только байками, мечтают исключительно о байках?

Я бы не смог. Мне хватает и моего велосипеда. Кстати, надо бы камеры подкачать.

Чтобы не слышать глупых комментариев по поводу опозданий, я решил с нового учебного года приходить в школу раньше других.

Двенадцать дней сентября всё было относительно спокойно. Раз два меня вызывали к доске, и я, как всегда, рассказал чуть больше. Но тут уж ничего не поделаешь, если меня вовремя не остановить, я могу говорить и говорить. У меня хорошая память, и я много брожу по Инету.

С одноклассниками я почти не общался. Разве что иногда после занятий мы с моим другом Горбуньковым вместе шли домой – в гробовом молчании, словно и не знаем друг друга. Вообще-то, я его своим другом не считал. Это он сам как-то раз предложил:

– А д-давай д-дружить?

Горбуньков заикался, поэтому зря болтать не любил, только если уж очень приспичит. Я пожал плечами. С тех пор мы плелись из школы вместе.

Иногда Горбуньков спрашивал:

– Д-дождь б-будет?

Я смотрел на небо и отвечал:

– Не обещали, – и мы шли дальше, медленно, словно пенсионеры.

И вот я сидел в пустом классе. И было тринадцатое сентября прошлого года.

Я смотрел в окно, там ещё по-летнему светило солнышко, всюду чирикали воробьи, а я разговаривал сам с собой. Дурацкая у меня привычка – думать вслух:

– Вот бы так сидеть в пустом классе всегда. И чтобы никого не было. Ни учителей, ни одноклассников – никого. Только школьный звонок, уборщица баба Шура, которая всех пугает и похожа на Бабу Ягу, и её метла. Может, у бабы Шуры и ступа есть. И по ночам она вылетает из школы в ступе или на метле и носится над лесом...

Зачем ей носиться над лесом, я так и не придумал. Потому что в класс вошла Елена Прекрасная. Эти двенадцать дней Лены в школе не было. Ещё в конце августа она отправилась с родителями в круиз по Средиземному морю и пропустила начало учебного года, но ей всё равно ничего не будет, ведь папа у неё подполковник полиции. Ну это вы уже знаете.

Лена и раньше была очень милой, а после летнего путешествия стала ещё красивее.

Наверное, пока она шла по нашему городку в своём лёгком розовом платице и белых туфельках на босу ногу, а потом – по школьному двору и по самой школе, в неё влюбились все, кто повстречался с ней на пути. И самым последним из них оказался я.

Я сидел с открытым ртом и ничего не мог с собой поделать. Я чувствовал себя последним дураком, у меня аж слюнка изо рта потекла тоненькой струйкой.

А Лена сказала:

– Привет!

И села за свою парту в среднем ряду, самую первую, за которой сидела весь прошлый год и, кажется, позапрошлый. Хотя, какое это имеет значение?

Вечно мне лезет в голову совершенно несуразная ерунда, ни к селу ни к городу. Кстати, в прошлом веке наш городок был селом. Знаете, чем отличалось село от деревни? Тем, что в деревне церкви не возводили, а в селе церковь стояла обязательно. В нашем Синеграде очень красивая церковь. С тремя синими куполами.

Лена достала из рюкзака иностранный глянцевый журнал, наверное, привезла из круиза, и начала листать. Замелькали фотографии с пляжами и яхтами.

Здорово Лена загорела, и загар ей очень шёл. Светлые волосы она обычно заплетала в толстую косу, а сейчас распустила по плечам. При каждом движении они волнами спадали вниз, а Лена изящно забрасывала их за спину.

Вдруг она повернулась ко мне, посмотрела своими большими синими глазами, у меня аж сердце ёкнуло – так она была прекрасна в этот момент. Лена смотрела на меня всего несколько секунд, и, может, мне показалось, но даже слегка улыбнулась и приоткрыла рот, чтобы что-то сказать. Но не успела.

Потому что в этот самый момент в кабинет ворвалась наша классная – Ангелина Степановна, по прозвищу Гренадерша. Напомню, что гренадеры – это отборные (а отбирали туда самых высоких) части пехоты или кавалерии, которые штурмовали вражеские укрепления и были вооружены ручными гранатами-гренадками. «Гренадка» переводится с французского как «гранат». Гренадерами называют также придонных глубоководных рыб отряда тресковых, которые обитают практически во всех морях.

Из-за плеча Гренадерши выглянула худенькая девочка с длинной косой и встала рядом с учительницей. На девочке был тонкий сиреневый свитер, потёртые джинсы и обычные кроссовки «мейд ин Чайна». В руках она держала бирюзовый рюкзачок.

– Познакомьтесь! – прогремела Ангелина Степановна. – В нашем седьмом «Б» пополнение! Была Елена Прекрасная, теперь вот явилась Василиса Премудрая! Прямо сказка, а не класс! А где народ? Где все?

Я пожал плечами.

Новенькая улыбнулась нам с Леной, подошла к моей парте и спросила:

– У тебя свободно?

Я закрыл рот и кивнул.

Глава 2

Познаете то, чего не было доселе

Как прошли уроки, я не помню, потому что не мог оторвать глаз от Елены Прекрасной. Ведь я влюбился.

Можно ли влюбиться в двенадцать лет, спросите вы. Я и сам не знал тогда.

Поэтому прибежал домой, включил комп и сразу же пробил в поисковике: «Можно ли влюбиться в 12 лет?» И вот что я прочитал: «Нет, это запрещено законом РФ», «Какая может быть любовь в 12 лет?! Так, детское увлечение...», «Можно и в детском садике», «Кто ж запрещает, и чего тут такого?», «Я влюбился! Дарить куклы и конфеты – это не оригинально. Поэтому я подарил любимой девочке набор косметики. А она меня поцеловала».

У меня запылали уши. Я представил, как дарю Елене Прекрасной набор косметики и как она меня целует. Неужели она сделает это, если я куплю ей какие-то кремы в тюбиках?

Я расстроился. Нет, лучше повременю. Не нужна мне такая любовь. Ерунда это, а не любовь, если девушке даришь крем для рук, а она тебя за это целует.

Да и денег не было.

Мне мама давала несколько сотен только на Интернет, ну и на карманные расходы. Она ведь работала медсестрой в больнице, а у них зарплата очень маленькая, хотя медсёстры и помогают больным, и ухаживают за ними: кормят, делают уколы и даже ставят клизмы.

Может, стихи сочинить, подумал я? Про любовь! Как люблю и всё такое. И цветы подарить? Какие-нибудь ромашки. Нет, ромашки не буду. Ромашки дарил маме Виктор Францевич, и мама ему отказала. Не из-за ромашек, конечно, просто он наводит тоску.

Ладно. Сказано – сделано! Для начала напишу стихи.

Я поудобнее устроился перед монитором, создал новый вордовский документ, назвал его «Письмо Ел» и напечатал первые два слова:

«Я полюбил...»

Думал я минут пять и больше ничего не смог придумать, потому что в голове только и крутилось: «Я полюбил в двенадцать лет. И остывает мой обед». Ещё минутки через две я понял, что уже вечер и я страшно проголодался. Мама отварила картошку, а я очень люблю солёную картошку с подсолнечным маслом и сладким чаем. Поэтому я поскакал на кухню, поставил чайник, намял себе пюре вместе с кожурой – так вкуснее, посолил, подлил подсолнечного масла, всё тщательно перемешал, сделал сладкий чай, взял вилку, и меня вдруг словно током пробило.

Ну да! Как я раньше не подумал-то? Я ведь... я же изобрести чего-нибудь могу! Специально для неё! И подарю!

В то время я ещё только начал изобретать разные полезные штуки для дома. Правда, они не всегда работали, но мне был интересен сам процесс. Делать что-то из чего-то, что уже совершенно никому не нужно, но в итоге сделать то, что пригодится всем. Ну если не всем, то кому-нибудь уж точно.

Словом, походи туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что. И всем будет счастье.

Так-так... Ну и что мы изобретём для Елены Прекрасной?

Я походил по кухне и не заметил, как слопал всё пюре и облизал тарелку. Эх! Нет ничего прекрасней отварной картошки с подсолнечным маслом! Из еды, конечно.

На свете много чего прекрасного и без картошки, но с картошкой веселее!

Лето прекрасно! Круиз по Средиземному морю на теплоходе или горы после дождя, радуга, под которой невозможно проехать на велике, или лунный пейзаж – прекрасны!

Я посмотрел в окошко, чтобы полюбоваться луной.

Она светила в небе во всей своей красе! Звёзды горели, как уличные фонари! И на душе было так хорошо! Вот, оказывается, что такое любовь – это когда всё и всех любишь!

И, конечно, прекрасна Елена! Спору нет... Я вдруг вспомнил, как она смотрелась на перемене в своё маленькое зеркальце...

О! Есть!!! Изобрету зеркало, как в сказке Пушкина!

Я покопался в памяти, нашёл знаменитые строки Александра Сергеевича и громко их продекламировал:

– Свойство зеркальце имело: говорить оно умело. С ним одним она была добродушна, весела, с ним приветливо шутила...

Здорово я это придумал. Вот спросит Елена Прекрасная у Волшебного Зеркала:

– Свет мой, зеркальце! Скажи да всю правду доложи: я ль на свете всех милее, всех румяней и белее?

А зеркальце ей подмигнёт, нет, это я, конечно, маханул, зеркальце ей пропоёт... или ответит звонким голоском:

– Ты, конечно, спору нет! Ты, царица, всех милее, всех румяней и белее!

Чудесный подарок! По-моему, любая девчонка завизжит от восторга. Осталось всё хорошенько обмозговать.

Нужно обычное зеркало, это ясно. Лучше в красивой раме, куда надо поместить микрофончик-диктофончик... и звуковой модуль... Он отреагирует, скажем, на слово «белее». Или – на «всех румяней и белее»... Разберёмся... Главное, я недавно откопал на свалке развороченный ноутбук. Вот и пригодится!

А дальше дело техники. Ну и батарейку не забыть. Без батарейки никак нельзя. Это самое главное. Это как сердце.

Я прислушался. Что-то стучало совсем рядом... Во мне стучало. Тук-тук, тук-тук...

Да это же сердце! Моё. От радости стучит. Надо же! Да здравствует любовь! А говорят, в двенадцать лет невозможно влюбиться. Ещё как возможно. Я ведь влюбился!

Или оно стучит оттого, что я изобрёл волшебное зеркальце?

С дежурства вернулась мама, доела картошку, спросила, как дела в школе, чмокнула в макушку, назвала меня своим Кулибиным (это известный русский механик-изобретатель, Иван Петрович, чего только он не изобрёл, например, механический экипаж с педальным приводом) и пошла спать. А я снова остался один, со своей гениальной идеей. Ведь пока это был всего лишь проект. Без зеркальца он неосуществим. И где его раздобыть? На чердаке в волшебном сундуке такого нет. Хотя...

Был у меня свой тайный чердак. Набрёл я на него случайно, в заброшенном доме на Большой Моховой улице, куда мы с Горбуньковым лазали за голубями. Любил мой приятель этих птиц. Своей голубятни он не имел, так вот и шатался по чужим чердакам. Ну и я с ним за компанию раза три ходил.

На очередном чердаке Горбуньков ловил какую-нибудь голубку и тащил к себе в сарай. Кормил её, поил, шептался с ней о чём-то. Она потом обязательно улетала, а Горбуньков снова отправлялся на охоту. Страсть у человека – голуби.

В одну из вылазок я и нашёл сундук. Огромный. Я таких раньше никогда не видел. Старый, дубовый, кованый, с основательным замком, из которого торчал ключ. Я потом замок смазал, ключ отполировал наждаком и, когда уходил, всегда запирали свой тайник. И ключ носил на шее на кожаном шнурке.

Сундук этот, конечно, был не волшебный, но чего только в нём не хранилось! Потрёпанные книги с позолоченными корешками, компас в деревянной оправе, барометр, подозрительная труба и часы с кукушкой.

Часы я починил. Всего-то и надо было протереть механизм и чуточку выпрямить хвост кукушки. Я повесил часы дома. Каждые полчаса, под мелодичный бой, из окошка выглядывала бронзовая птичка, чтобы сообщить время: «Ку-ку, ку-ку, ку-ку!..»

Сундук был такой большой и вместительный, что, к тому времени, когда началась моя история, я не успел его полностью исследовать. Вот я и решил его навестить. Чего откладывать? Может, в нём и зеркальце найдётся. Где-нибудь на дне.

Мама тихо сопела в своей комнатке. Я на цыпочках пробрался в прихожую, оделся, снял с вешалки рюкзачок, где лежал фонарик, и тихо вышел из дома.

Я подумал было поехать на велике, но тут же отказался от этой мысли. Без него меньше шума. Доберусь на своих двоих. Минут за десять.

Окно у нашего соседа Пупса было приоткрыто. Не спалось бухгалтеру. Болтал по скайпу с Кенгуру – дружкой из Австралии.

– Кенгуру, – вопил бухгалтер, – хау из Аустралия?! Как там Австралия?! Почём нынче утконосы? Мне бы парочку сюда!

– Витиа! Утконош, редкий шивотни, – отвечал Кенгуру, носатый мужчина в ковбойской шляпе. – Он ест под охрана в Мешдународни Красин книга!

И зачем нашему Пупсу понадобились эти утконосы? Неужели хочет разводить их у нас в Синеграде? С какой целью? Вообще-то, в хозяйстве они пригодиться могут. Например, утконосы прекрасно ныряют и сидят под водой целых пять минут.

– И, наверное, размышляют о своей утконосей жизни: а не махнуть ли нам в Россию? Посидеть и там в каком-нибудь болотце... – пробормотал я, достал фонарик и посветил на стену заброшенного двухэтажного дома, до которого наконец-то добрался. Пора и делом заняться.

Я спрятал фонарик назад в рюкзачок, влез на бочку, стоявшую под пожарной лестницей, и начал взбираться. Некоторых ступенек не хватало, поэтому приходилось подтягиваться. Но второй этаж – не двадцатый, на чердаке я оказался через минуту.

Малявкой я бы, конечно, испугался, если бы услышал все эти шорохи и вздохи, которые донеслись до меня, как только моя нога ступила на скрипучие доски чердака. Но сейчас я всего лишь напряг слух. Мало ли, кто это может быть? Мне непрошенные гости не нужны в моём мирном деле по обследованию сундука. Хотя понятно, что это голуби. Кому придёт в голову лазать по чердакам ночью? Разве что бомжам. Но у нас в Синеграде своих бомжей нет, да и чужих отродясь не водилось.

Я снова достал фонарик и посветил перед собой. В луче зашевелились тени голубей. Я уверенно направился в дальний угол, где стоял волшебный сундук. Добравшись до него, я повесил фонарик на одну из балок, так чтобы он освещал мои сокровища.

Я снял с шеи ключ и отпер сундук. Тяжёлая дубовая крышка, как всегда, поддалась с трудом. Я никак не мог понять, почему сундук открывается так тяжело. Я и петли смазал, и саму крышку простучал – вдруг в ней спрятан клад? Но ничего не помогло.

Загадка!.. А я головоломки люблю. И эту разгадаю, никуда не денется.

Но в тот поздний вечер больше всего на свете меня волновало зеркало. Я почему-то был уверен на все сто, что оно лежит на дне сундука, под остальными сокровищами.

Сначала я достал книги и аккуратно сложил их небольшими стопками на полу, чувствуя себя чуть ли не магом-книжником.

Тридцать три тома на английском, французском и немецком языках, совершенно разной величины и толщины, но все очень старые, с полустёртой позолотой на потрёпанных корешках и с красочными иллюстрациями, которые я разглядывал с огромным удовольствием и интересом. Когда я увидел их в первый раз, то аж охнул от счастья. Да и сейчас у меня от волнения забилося сердце.

Я открыл «Время Чародея», книгу на русском языке. Как ни странно, раньше я её не замечал. Может быть, потому, что она завалилась между стенкой сундука и подушечкой-думкой, расшитой розами. На первой странице я прочитал следующее:

«Эта рукопись принадлежит перу одного из величайших волшебников – Касмандьёрки Тринадцатого. Перед читателем лежит дневник, в который маг записывал свои потаённые мысли и желания.

Сей труд Волшебник хранил за семью печатями, опасаясь того, что дневник может попасть в руки Чёрного мага Этхей, а Этхей перепишет его на свой лад и, зачеркнув любую из мыслей Касмандьёрки своим чародейским карандашом, уничтожит её навеки! И тогда Волшебник никогда не сможет пройти по истинному пути!

Вчитайтесь в пергаментные листы, исписанные чернилами, настоящими на чернике и пчелином молочке и перемешанными с желтком яйца птицы-невидимки. Вы окунётесь во время Волшебника и узнаете то, чего не было доселе в вашей жизни!»

– Круто! Обязательно вчитаюсь! – я кивнул книге и отложил её в сторону.

Затем я достал из сундука компас, барометр, подзорную трубу, чёрно-белую фотографию, с которой на меня смотрели строгий офицер и красивая барышня, смятое и посеревшее от времени подвенечное платье, сплюснутый шутовской колпак с бубенчиками, цилиндр, несколько чепчиков, бумажный зонт, красную скатерть с бахромой и два совершенно потрескавшихся кожаных саквояжа. Первый открыть так и не удалось, а во втором лежали ёлочные игрушки, шары, мишура и... как я и думал, – зеркальце! Овальное, средних размеров, в деревянной гладкой оправе с ручкой. То, что надо!

Больше я задерживаться на чердаке не стал. Я быстренько уложил свои сокровища назад в сундук, запер его на ключ, спрятал зеркало и дневник Касмандьёрки Тринадцатого в рюкзачок и, освещая себе путь фонариком, направился к выходу.

– Спокойной ночи, голуби, – произнёс я напоследок.

На улице почти никого не было. Только какой-то парень шёл, насвистывая так весело и самозабвенно, что и я побежал домой, напевая песенку без слов.

Глава 3

Сколько красавиц спас рыцарь?

На этом приключения той ночи не закончились.

Мне оставалось всего несколько минут до дома, как вдруг из-за угла появился автомобиль – самая обычная «Ока», легковушка белого цвета, и всё бы ничего, да только ехала она совершенно бесшумно, как привидение, и за рулём никто не сидел! Не было водителя!

Волосы у меня встали дыбом. Представляете, что я испытал тогда? Вокруг никого, полная тишина и белый призрак на колёсах... Жуть!

«Ока» медленно проехала по улице и скрылась за поворотом. Я даже подумал, что она мне привиделась.

Но, поверьте, автомобиль существовал, как и всё, что нас окружает. Он был!

Честное слово! Фары-то горели! И свет на мгновение ослепил меня. Да и потом – я же остановился и несколько секунд пялился на него!

Я мотнул головой и побежал дальше. Кажется, даже подвывая от неприятных ощущений в мозгу. Всё-таки я немного струхнул.

Больше я никого и ничего необычного не увидел.

Через несколько минут я на цыпочках пробрался в свою комнату, быстро разделся и нырнул под одеяло. Ещё через полминуты вспомнил про «Время Чародея», пошарил в рюкзаке, который лежал на полу у кровати, достал книгу, фонарик, включил его и принялся читать дальше.

Ого! Так это же рукопись! Как я сразу не заметил? Дневник не был книгой, напечатанной в типографии. Но он был написан таким ровным почерком и, видно, рукой уверенного в себе человека (или волшебника?), что не сразу и разберёшь. Итак...

ДЕНЬ ОТКРОВЕНИЙ

Сегодня я познакомился с удивительной девушкой!

Это случилось неподалёку от замка, на старом Зелёном пруду. Её лодка слабо покачивалась на волнах, а сама девушка сидела, упираясь коленками в борт, и удила рыбу...

Темноволосая принцесса и удочка. И больше никого вокруг, только стрекозы да рыбы силуэты в солнечных лучах.

– Чудесное утро! – крикнул я с берега.

Глупая фраза! За время существования мира эти слова произносили миллионы молодых людей. Но ничего не напишешь. Так уж заведено. Если ты хочешь привлечь внимание миленькой девушки, ты должен что-то сказать, а лучшие фразы не придумать:

– Чудесное утро!

Девушка улыбнулась в ответ и спросила:

– Вы кто?

– Я волшебник, – честно признался я. – Меня зовут Касмандьёрка!

– Какое весёлое имя! У всех волшебников такие имена? Моё имя попроще! Я – Кристина! – девушка снова улыбнулась. – Если вы волшебник, летите сюда!

И я полетел к ней. Я нарушил все волшебные правила! Я продемонстрировал человеку волшебство без видимой на то причины!!! Что я наделал? Зачем?!

Я летел к девушке над водой, в которой отражались облака.

Я летел, почти касаясь собственного отражения, и тоже улыбался девушке. Я улыбался самой открытой и ясной улыбкой, на какую только был способен. А она даже не удивилась тому, что я лечу.

Она радостно засмеялась, порывисто встала и протянула мне руку.

И очень вовремя! Потому что лодочка покачнулась, попытавшись сбросить хозяйку в воду, но я успел схватить Кристину за руку...

...и мы, словно две пушинки, воспарили над прудом, над парком, над древним замком и запели красивую песню, слов которой я уже и не припомню...

Ах, как мы были счастливы!.. То была любовь с первого взгляда – любовь обычной девушки и Волшебника! Кристины и Касмандьёрки Тринадцатого!..

На этом месте я всё-таки уснул. Утомился за день – столько волнений-треволнений.

Но не успел я увидеть во сне, как взлетаю над городом, с огромным разноцветным бумажным зонтом в руке, а внизу стоит Лена в своём лёгком розовом платье и белых туфельках на босу ногу и кричит мне «Ва-а-аня! Куда же ты-ы?!..», как понял, что просыпаюсь. Это всегда так: не успеешь оказаться в царстве Морфея – древнегреческого бога сновидений, как пора вскакивать.

Было раннее утро. Поэтому я спокойно полежал, пофантазировал о том о сём, затем встал, умылся, почистил зубы и пошёл собираться в школу.

Уроки я сделать забыл. Ну это ничего. Память у меня хорошая. Наговорю учителям то, что слышал на прошлых занятиях. Если спросят, конечно. К тому же по математике Роза Максудовна обещала контрольную. Выкручусь.

Я позавтракал чем бог послал. А послал он два бутерброда с сыром, манную кашу, пять фиников и вишнёвый кисель. Потом я оделся и вышел из дома.

По дороге меня догнал на своём тархтящем «железном друге» байкер Толян.

– Вань! – он притормозил.

– Чего? – откликнулся я.

– Ладно, потом! – махнул рукой Толян. – Вечерком загляну! Сегодня или завтра! Жди!

– Хорошо! – ответил я, а он укатил на своём «Харлее-Дэвидсоне» тысяча девятьсот тридцать первого года выпуска.

Кто не знает, «Харлей-Дэвидсон» – это марка американского мотоцикла.

Как рассказал Толян, «Харлей» – это двухколёсная легенда Америки. С виду неказистый, тяжёлый, но надёжный аппарат, предназначенный для езды по шоссе.

Ну то, что надёжный, это любой байкер зуб даст. Ведь мотоциклу Толяна больше восьмидесяти лет, а на нём можно ещё гонять и гонять. Круто, да?

У этого «Харлея» вообще потрясающая история.

Стоял он у прадеда Толяна, Аскольда Арнольдича, в сарае.

Арнольдич привёз его со Второй мировой войны, выиграл у союзника-американца в городки. Последние двадцать лет на «Харлее» никто не ездил. Только приходил из курятника петух, вспрыгивал на него и кукарекал. А попросить у прадеда мотоцикл Толян почему-то не решался.

Прадед сам предложил, но с условием. В «Харлее» неполадка – потому он в сарае и стоит. Если Толян поломку за ночь обнаружит и исправит, а потом проедет на мотоцикле хотя бы до ближайшей фермы (это метров пятьсот), пускай забирает, а не исправит – отдаст дед «Харлей» в местный военно-патриотический музей.

Сказано – сделано. По рукам! всю ночь Толян гремел инструментами в сарае, а утром выкатил мотоцикл и доехал на нём до фермы. Вернее, почти доехал, метров тридцати не хватило. «Харлей-Дэвидсон» заглох. Но довольный прадед всё равно подарил мотоцикл правнуку. И даже поцеловал по обычаю три раза. А потом прослезился.

Толян довёл своего «железного друга» до ума и стал колесить по округе: ведь Толяну уже восемнадцать и права на вождение он получил сразу, это и не удивительно.

Перед первым уроком ко мне в школьном коридоре подошла новенькая, моя соседка по парте – Василиса. Она была всё в том же сиреновом свитере, потёртых джинсах и китайских кроссовках:

– Ты мне можешь помочь? – спросила она.

– По какому предмету? – насторожился я.

Меня не часто о чём-то в школе просили. Это с Толяном у меня хорошие отношения, ему со мной почему-то интересно, хоть он и намного старше. А в школе на тот момент меня не особо жаловали.

– Нет... я другое хотела попросить... – сказала Василиса.

– Что? – я вдруг разозлился.

Чего ей от меня надо? К тому же я заметил, как за нами наблюдает Лена и насмешливо так улыбается. А Василиса, как ни в чём не бывало глядя мне прямо в глаза и ещё больше меня смущая, ровным голосом произнесла:

– Если не можешь, я не обижусь.

Боковым зрением я заметил, как Лена усмехнулась. Сегодня она была в лёгком белом платье и розовых туфельках. И всё это здорово шло к её средиземноморскому загару.

– Да что ты хочешь? – почти выкрикнул я.

– Ты не мог бы, – сказала Василиса, – показать мне ваш городок? Я ведь недавно переехала и ничего не знаю. Пойдём после уроков? Или завтра. Когда тебе удобно?

– У меня нет времени, – я быстро посмотрел на Лену.

Она приподняла бровь и кивнула мне, а я повторил твёрже и даже грубо:

– Нет времени. Не смогу. Дел много.

Словно и вправду у меня ни одной свободной минуты и я занимаюсь чем-то очень важным, а новенькая что же, не понимает, что мне не до неё?!

– Извини, я не знала, – улыбнулась Василиса. – Тогда я сама схожу.

Мне почему-то стало неловко, сам не пойму почему, и я промямлил:

– Ты Горбунькова попроси... Он всё тебе покажет...

– Хорошо, – кивнула Василиса и пошла в класс.

Тут прозвенел звонок, и я тоже поплёлся следом. И зачем я ей нагрубил? Мог же спокойно ответить. Вдруг меня догнала Лена и, хихикнув, шепнула:

– К тебе девочки пристают?

Я покраснел и не нашёлся что ответить. Спасла положение Роза Максудовна, которая, оказывается, уже вошла в класс.

– Так, все тихо! – гаркнула она. – Сегодня контрольная! Кто получит двойку, тому не видать пятёрки в году!

– Да какая контрольная?! – завопил Горохов. – Ещё только четырнадцатое сентября!

– До Нового года осталось всего сто восемь дней! – воскликнула Роза Максудовна.

– И чего? – не понял Горохов.

– А того! Не морочь мне голову! Сказано – контрольная, значит, контрольная! Вот твой вариант, – Роза Максудовна положила перед ним листочек с заданием. – Молчим, думаем, решаем!

Мне досталась такая задачка:

«В сентябре горожане привели к дракону в пещеру столько красавиц, сколько он пожелал съесть за 14 дней. Но всех девишек спас славный рыцарь Артур. А с 15 сентября дракон стал требовать ежедневно на пять красавиц больше. За 12 последующих дней славный рыцарь спас столько же красавиц, сколько за предыдущие 14 дней. Скольких красавиц спас рыцарь Артур?»

Тут и решать нечего. Я отложил листок и посмотрел, что делают остальные.

Кто-то подсматривал в учебник или к соседу в тетрадку, кто-то, закатив глаза, выискивал ответы на потолке. Роза Максудовна обводила всех таким кровожадным взглядом, что я подумал: может, она по ночам превращается в дракона?

Ну и скольких девушек спас от чудовища славный рыцарь? Сейчас узнаем.

Допустим, за четырнадцать дней он вызволил x красавиц. Значит, в день ему приходилось отбить у дракона x , делённое на четырнадцать красавиц. А в те, другие двенадцать дней, он спас x четырнадцатых плюс пять красавиц. Стало быть, $12(x/14 + 5) = x$. Лёгкие математические вычисления – и получается, что за четырнадцать дней дракон не слопал 420 красавиц, а всего, значит, за 26 дней – 840!

Ужас! Посадили дракошу на жёсткую диету! И чем он питался? Наверное, мхом. Стал вегетарианцем. А о чём думали горожане и глава города? По какому такому праву они распоряжались красавицами? Их что, для дракона растили и холили? Или, может, красавицы только и мечтали о том, чтобы их слопал дракон?

Вообще-то, они больше всего на свете мечтают о принце на белом коне. Вот их мечты и сбылись – появился Артур, почти принц, даже круче – рыцарь, и спас их! Была бы среди них Елена Прекрасная, я бы тоже показал дракоше, где раки зимуют!

– Я решил, – сказал я и поднял руку. – Можно выйти?

– Никто никогда не попросит ещё одну задачку... – Роза Максудовна отвернулась к окну и насупилась. – Никто не скажет: «Роза Максудовна! Я решил, можно ещё?!»

Класс промолчал. На самом деле мы любили Розу Максудовну и редко с ней спорили и говорили глупости. С её сыном, альпинистом Гариком, случилась в горах трагедия: он сорвался, повредил позвоночник и теперь лежит без движения. Уже три месяца. Нужны деньги на операцию, и очень много, а их нет.

– Решил – сдай! Можешь подышать свежим воздухом. И чтоб со двора ни ногой! – скомандовала Роза Максудовна и добавила: – Утро и вправду чудесное...

Я молча отдал учительнице решённую задачку про дракона, рыцаря и несделанных красавиц и вышел из класса.

Глава 4

Синяки украшают мужчину

Во дворе маялся дурью Кощей – Кошин. Лёха-боксёр. Он бил палкой по фонарному столбу и после каждого удара прислушивался к звуку. Ударит – и прислушается к гулу. Ударит – прислушивается.

Кошина после шестого класса, в котором он учился вместе с нами, оставили на второй год за плохое поведение. Его и раньше оставляли. В первом классе – за неуспеваемость, и в третьем тоже. Поэтому он старше меня почти на два с половиной года. У нас в Синеграде остаться на второй год – это исключение из правил. Никто не помнит, чтобы кого-то не перевели в следующий класс, да ещё за плохое поведение. А вот Кощю не перевели. Хорошо хоть не исключили, ведь Кощей избил Горбунькова. Но из секции бокса выгнали.

Когда Лёху спросили, почему он избил Горбунькова, он и сам ничего не смог объяснить. Только пуще прежнего разозлился и долбанул по школьной стене кулаком, да так, что всё лето проходил в гипсе. Вообще-то, Кошин избил Горбунькова за то, что тот назвал его Кашеем, а не Кошеем. Хотя какая разница, не пойму.

Я кивнул Кошину, он зло бросил:

– Чего надо?

– Да так, – ответил я. – Подышать вышел.

– Иди там дыши! – прохрипел Кощей и изо всей силы врезал палкой по столбу.

Я вдруг захотел спросить: «Чего ты бесишься? Чего тебя всё злит? Может, у тебя какие-то неприятности в жизни? Ты скажи, поделись!» Но тут же подумал: «Да ну его! Что я – ангел-спаситель?» Пошёл к берёзке и сел на траву.

Кощей снова вмазал по фонарному столбу. Странный он тип. Силы девать некуда. Лучше б пошёл и дров наколот своему деду. У него дед хоть и без правой руки, а левой так ловко дрова колет, что смотреть приятно.

Тут из школы появилась баба Шура со своей метлой, подошла к Кошину, молча отобрала у него палку и ушла. Кощей даже не сопротивлялся. Бабу Шуру все опасаются, она церемониться не будет, той же палкой и огреет. Или метлой.

Лёха проводил уборщицу взглядом, сплюнул и направился ко мне.

– Слышишь, ты, юродивый?! Как там Ленка? Ни с кем не крутит?

Мне стало ужасно неприятно. Спросил он о девочке очень пренебрежительно. К тому же о Лене! Ему-то какое дело?

– Ты чего? Оглох? – сказал Кощей.

Я сжал кулаки. Он вдруг расхохотался, наклонился и дал мне щелчка в лоб. Так быстро, что я сразу и не сообразил.

У меня аж круги поплыли перед глазами. От возмущения.

Встать в таком положении было не очень-то удобно, но я всё-таки изловчился и вскочил, в общем, тоже неожиданно для Кощю. Он даже отступил на шаг. И снова заржал. Это больше напоминало ослиный крик.

– Ну! – сказал Кощей. – Чего ты? Давай, левой! Ты же у нас левша! Или правша?

Я только размахнуться и успел. Всё-таки Лёха боксёр, выиграл первенство города в прошлом году. Я отлетел к берёзке, а он сказал:

– Слышь, ты? Когда спрашивают, отвечать надо! В следующий раз ваще прибью... Ленке передай, если кого рядом увижу, котлету сделаю. Из обоих. И из тебя тоже.

Ну из меня, значит, в первую очередь, пронеслось у меня в голове. Потому что я Лену люблю! А он снова сплюнул и ушёл вразвалочку, словно моряк, который все моря-океаны исходил.

Я о берёзку больно ударился. Из носа кровь пошла. Весь платок запачкала. И под левым глазом фингал набух. Я дотронулся до скулы и ойкнул. Здорово он меня припечатал.

– Как же я в класс вернусь? Такой красивый... – пробормотал я и поплёлся со школьного двора на улицу. – Пойду хоть умоюсь.

Я дошёл до колонки, которая стояла у булочной, и несколько раз подвигал рычагом.

Всю мою сознательную жизнь из этой колонки текла вода, но только не сегодня. Ну и утро! Хорошенькое начало дня! Я вошёл в булочную, где продавали не только хлеб. Здесь и воду можно было купить, из холодильника.

– Кто это тебя так? – вздохнула продавщица тётя Клава, она училась с моей мамой в одном классе.

Я заплатил за минералку с газом, но ничего рассказывать не стал. Пошёл к выходу.

– Говорила я твоей матери, чтоб за Пупса выходила! – запричитала вслед тётя Клава. – Ей – муж, тебе, охламону, – отец! Даст ремня – вмиг цуциком станешь!

Глупая она – тётя Клава, хоть и работает с людьми. Разве можно такое ребёнку говорить, да ещё про Пупса? И рассуждает, как старушка, а ей всего-то тридцать два года.

На улице я намочил платок холодной шипучей минералкой и приложил его к синяку под глазом. Говорят, если сделать это сразу, синяк быстро пройдёт. Поживём умилим...

Ну и что мне теперь делать?

Даже если я надену мамины чёрные солнечные очки, всё равно в школе заметят мой боевой позор. Пристанут с расспросами. Учили, они вообще заставят очки снять. Так что глупая эта мысль, с очками. О! А что если забинтовать голову да так и заявиться в школу и сказать, мол, споткнулся, упал, очнулся – бинт! Нет, нельзя. Розу Максудовну под монастырь подведу.

Ведь во время её урока получил увечье. Как же быть?

Так, размышляя о глупом своём положении, я оказался у подвальчика с вывеской: «Тату Восходящего Солнца».

Тату – это татуировка, всем известно. Лично мне не очень нравится, когда тело украшают разными рисунками. Ну ещё понятно, когда делают татуировку на время, потом она сходит, но вот когда на всю жизнь! А вдруг через год поймёшь, что картинка, которую накололи, ну никак тебе не подходит. Что же тогда, лазером выжигать? Это, между прочим, дорого! Зачем же выбрасывать большие деньги на ерунду? Хотя взрослые тратятся и не на такое.

– Тату Восходящего Солнца! – пробормотал я. – Красиво.

Это Японию так называют – страной Восходящего Солнца. А что если попросить?..

Я спустился по замшелым ступенькам и толкнул дверь. Она оказалась незапертой. Я вошёл.

Крохотный коридорчик, освещённый единственным фонарём в виде беседки с плоской крышей, был совершенно пуст.

Причудливые узоры, восточные драконы и тигры украшали стены. Из комнаты, в которую вёл коридорчик, доносился бой барабанов, наверное, японских.

Я собрался с духом, чтобы войти в комнату, но тут, словно из-под земли, передо мной вырос босой мужчина в белом кимоно (это такая японская одежда) и с такой же белой повязкой на голове. Руки, ноги и даже шея у мужчины были в тату с изображениями драконов, тигров и какой-то рыбы, кажется, карпа.

– Что тебе, мальчик? – вежливо спросил мужчина. – Ты, наверное, не туда попал?

Я откашлялся:

– Я знаю, что тату можно делать с восемнадцати лет. В этом возрасте человек уже полностью отвечает за свои поступки.

Мужчина улыбнулся, но не перебил меня, а я продолжал:

- К тому же у меня нет денег. Но я не хочу делать себе тату. Я хочу вас попросить.
- О чём? – терпеливо произнёс мужчина и снова приветливо улыбнулся.
- Видите? – я показал на фингал под глазом.
- Вижу, – ответил мужчина. – И как ты собираешься от него избавиться?
- А нельзя его как-нибудь замазать? – спросил я, и мне самому стало тошно от своей просьбы.

– А зачем? – в свою очередь задал вопрос этот вежливый человек в белом кимоно и белой повязке. – Синяки украшают мужчину.

– А тату украшают? – неожиданно для самого себя спросил я. – Девушки и женщины – ещё понятно, любят всякое такое. Но зачем это делают мужчины?

– О тату можно говорить очень долго и очень много, – хозяин «Восходящего Солнца» задумался. – Видишь ли, мы, люди, издавна наносили на своё тело совершенно разные рисунки и преследовали разные цели. Скажу лишь одно, каждый на этой планете имеет право на самовыражение. Кто-то сочиняет музыку, кто-то пишет стихи или конструирует спутники, а вот я наношу тату. И мне это нравится. И нравится тем, кто этого хочет. Ведь я никого не принуждаю и не заставляю. И те, кто желает сделать себе тату, тоже совершают это добровольно. Намного хуже, когда одни заставляют других что-то делать. Например, воевать. Или считают, что только силой можно принудить кого-то к чему-то. А синяк пусть остаётся, девчонкам это нравится.

Мужчина подмигнул мне и опять улыбнулся.

– Кстати, меня зовут Пётр, – он протянул руку. – А тебя?

Рукопожатие у Петра было крепкое, и я ему ответил таким же.

Мне вдруг ужасно захотелось найти Кощея и надавать ему тумаков, в крайнем случае получить от него ещё один фингал.

– А меня зовут Иван, – сказал я.

– Чудесные у нас имена, Пётр да Иван, – рассмеялся он. – Ну извини, Ваня, мне пора, клиента жду. А ты как-нибудь заходи, поболтаем. Я тебе свои картины покажу. Я ведь ещё и художник. И скульптор в придачу.

– Спасибо, – поблагодарил я. – Обязательно зайду. А можно завтра?

– Завтра я буду на выставке, – ответил Пётр. – Мы выставку организуем, кубинских художников. Ты приходи на Малую Моховую. Знаешь выставочный зал? Это на перекрёстке с Большой Моховой.

– Знаю, – соврал я.

– Ну вот и давай после школы, – сказал Пётр. – Я там допоздна буду. Поможешь картины развешивать. Кстати, познакомлю с живым кубинским художником Эрнесто и его дочкой Нелькой. У неё мама русская.

– А сколько ей лет? – поинтересовался я.

– Да двенадцать, наверное, – ответил Пётр. – А тебе сколько?

– Столько же, – ответил я.

– Да-а?.. – удивился он. – А я думал больше.

– Двенадцать, – подтвердил я. – А вы дружите с кубинцами?

– Мы с Эрнесто в Москве учились. Вместе у девчонок в общежитии с кухни яичницу таскали! – улыбнулся Пётр. – Ну лады, приходи, Вань, буду рад!

– Приду, – пообещал я и вышел на улицу, бормоча себе под нос: – Ну раз синяки украшают мужчину, так и быть, вернусь в школу.

Как ни странно, я успел на второй урок, на мою любимую литературу.

То есть на всё про всё – на конфликт с Кощеем, на тётю Клаву и на Петра – я потратил не больше получаса, а столько всего произошло! Как говорит байкер Толян, время летит неумолимо, даже на «Харлее» за ним не угнаться. Но оно замирает, когда набираешь скорость!..

Горбуньков вытаращился на меня и с трудом выговорил:

– В-вот эт-то да-а!..

– Без комментариев, – парировал я. – Давай так: ты меня ни о чём не спрашиваешь, чтобы мне не пришлось придумывать умные ответы на глупые вопросы.

– А п-почему г-глупые? – не отставал Горбуньков.

– Да откуда я знаю? – разозлился я. – Это же твои вопросы!

– Т-так я же ничего п-пока не с-спро-сил, – удивился Горбуньков.

– Чего пристал? – огрызнулся я. – Тебе что, делать нечего? Звонок прозвенел, пошли в класс.

Несколько ребят уставились на меня, точнее, на мой синяк, но спросить ни о чём не успели, потому что появилась Алина Николаевна, наша учительница литературы. Она молодая и красивая. У неё двое детей – двухгодовалый Валька и полугодовалая Манька, и весёлый муж Вадик.

Однажды у неё спросили:

– Почему вы не уходите в декретный отпуск?

«В России право на материнский отпуск, – это я вычитал в Интернете, – регулируется Трудовым кодексом Российской Федерации. «Декретом» называют дни дородового и послеродового отпусков. А также отпуск по уходу за ребёнком до полутора лет и отпуск по уходу за ребёнком с полутора до трёх лет».

– С какой стати? – возмутилась Алина Николаевна.

– Так ведь сможете не работать и сидеть с детьми. Будете воспитывать их!

– А кто вас литературе научит? – ответила она. – Пушкин?

И ни в какой декретный отпуск не ушла.

– Ваня! – ужаснулась Алина Николаевна. – Что с твоим лицом?

Все повернулись и посмотрели на меня. И Лена тоже. Сердце у меня запело птичкой.

Глава 5

Горе луковое

Как-то раз Пупс остановил меня во дворе и сказал:

– Никогда не следует торопиться с выводами, Ваня. Понял?

Я это почему-то запомнил, наверное, потому, что в тот момент бухгалтер говорил печально.

Что мне хотел сказать Пупс этим своим «не торопиться с выводами», я не очень понял. Он, скорее всего, намекал на то, что мама поторопилась ему отказать. Только бухгалтер мне всё равно не нравился, будь он трижды печальный. Во-первых, от него пахло отсыревшей бумагой и смеялся он очень громко, как будто ему и не смешно, а смеяться надо. Ну а про то, что он нудный, я уже говорил.

А вот про то, как я отношусь к запахам, я вроде ещё не вспоминал. Дело в том, что у меня очень чувствительный нос. И любой, даже очень слабый запах, я могу учуять за километр. Меня всегда радовали ароматы в полях, а запах, скажем, жареной рыбы я с трудом переносил, особенно когда Пупс готовил мойву. Он всегда её жарил по вечерам. И это был кошмар! Словом, в моей коллекции много неприятных запахов – всех не перечислишь.

Кстати, я никак не мог понять, чем пахнет от новенькой, от Василисы, и это меня раздражало, она ведь сидела со мной за одной партой. Вроде всегда во всём чистом, хоть и поношенном, и умытая. А запах есть. Чужой какой-то, не её.

Когда Алина Николаевна спросила меня про мой фингал, я как раз думал: чем же всё-таки пахнет Василиса? Мне даже показалось, что это лёгкий аромат мяты.

– Что с твоим лицом, Ванюша? – повторила вопрос Алина Николаевна. – Подрался?

Я встал и ответил невпопад:

– Споткнулся, упал, очнулся – бинт...

Все засмеялись – все, кроме Василисы, даже Лена улыбнулась, а Алина Николаевна покачала головой:

– Горе ты луковое, вечно в какие-то истории попадаешь! Садись!

– Вань! – по привычке заорал Горохов. – Ты лук приложи! С солью! Враз от синяка избавишься! Я тебе рецепт продиктую! На перемене!

– Ничего и не лук! – завопила Горохова.

Они с братом двойняшки, но совсем не похожи друг на друга. Горохов худой, как жердь, а сестра толстуха, прямо пончик.

Горохова затараторила как сорока:

– Чтобы свести синяк, надо натереть на мелкой тёрке красную свёклу, сок отжать, кашицу пополам с мёдом смешать, потом толстым слоем на синяк наложить, сверху накрыть капустным листом, полиэтиленом, льняной салфеткой и закрепить повязкой! Через трое суток от синяка ничего не останется! Мне бабушка всегда так делает!

– Чё?! – завопил Горохов – Через трое суток любой фингал рассосётся! Лук с солью приложи!

Всё это время класс валялся от смеха, а Алина Николаевна крикнула:

– Да тихо вы! Тоже мне – профессора по синякам! Угломонитесь! Оба!

Наконец все успокоились.

– А мы вспомним, – начала урок Алина Николаевна, – что помимо синяков и капустных листьев, существует на белом свете русская литература. В частности, поэма Александра Сергеевича Пушкина «Полтава». Горохова, какое у нас было домашнее задание?

– Выучить наизусть любой понравившийся отрывок, – выпалила Горохова, – но лучше «Горит восток зарёю новой», и декламировать с выражением.

– Садись, Горохова! – сказала Алина Николаевна. – Ну и кто хочет отличиться? Не всё же синяки в партизанских батаях получать, верно, Ванюша?

Я так и знал, что она обязательно вспомнит про мой фингал! Странные существа женщины. Вроде добрые, красивые, умные, а всегда норовят мужчину выставить дураком.

Алина Николаевна обвела класс взглядом, но никто не поднял руку, кроме Лены и новенькой – Василисы. Правда, Алина Николаевна заметила только руку моей любимой.

– Елена Прекрасная! – сказала учительница. – Мы послушаем тебя с огромным удовольствием. Думаю, и Петру Первому пришлось бы по душе, как ты декламируешь!

Лена читала стихи очень здорово. Однажды Алина Николаевна сказала, что ей после школы прямая дорога в театральное училище, что из неё получится большая актриса. Как, например... Учительница назвала несколько знаменитостей, но я с ней не согласен, потому что Лена на них совершенно не похожа, так что перечислять не буду.

Лена вышла к доске. Сегодня она была во всём зелёном: в кофте с забавной надписью «Ты грек?», зелёных джинсах и зелёных кроссовках. Она поправила непослушный локон, посмотрела на меня своими огромными синими глазами и больше взгляда не отводила. Она читала только мне!

Я вдруг почувствовал, что наливаюсь какой-то невероятной силой, мне даже захотелось что-нибудь выкрикнуть. А Лена пропела своим колдовским голосом, который всегда завораживал не только меня одного, первые слова отрывка из пушкинской поэмы:

– Горит восток зарёю новой! Уж на равнине, по холмам грохочут пушки... – она сделала паузу, сощурилась и выдала: – Дым багровый кругами всходит к небесам навстречу утренним лучам!..

Лена сделала неуловимое движение правой рукой, и, я уверен, все, кто находился в классе, увидели, как полки сомкнули свои ряды, а стрелки рассыпались в кустах! И полетели ядра! Засвистели пули! Но наши не дрогнули! Вот оно – солнце, отражается в их штыках, нависших над землёй и готовых встретить неприятеля!..

А шведы – сыны любимые победы, прут на наших всей своей мощью... Ха-ха! Мы ещё поглядим, кто любимый сын победы! Пускай себе рвутся сквозь наш огонь! Всё равно остановим! Ну что? Конница пошла? Напугали! Давай шведскую конницу! И пехоту давай, да хоть тяжёлую артиллерию с танками! Ща мы им покажем! Вот оно, роковое поле битвы! Наступил тяжкий час для неприятеля! Всё гремит, всё пылает, то здесь, то там! Наши атакуют! Во палят! Так их! Удача на нашей стороне! Счастье боевое!

– Ура-а! Отбили! – выкрикнул я и понял, что выскочил из-за парты, а все вокруг, как обычно, заржали.

– Продолжай, Леночка, – как ни в чём не бывало попросила Алина Николаевна, даже не посмотрев в мою сторону.

Я плюхнулся на место, а Лена, всё ещё завораживая меня своим взглядом, воодушевлённо закончила:

– Тесним мы шведов рать за ратью; темнеет слава их знамён, и бога браней благодатью наш каждый шаг запечатлён!..

Тут она не выдержала и тоже расхохоталась. Если честно, я так и не понял, надо мной она смеялась или от радости, что так здорово прочитала отрывок. Я покраснел. Лена, в общем-то, тоже. Глаза у неё блестели, как у львицы, которая вышла на охоту.

И в ту самую минуту я понял, что страшно устал от всех переживаний и приключений дня. Я закрыл глаза и подумал: «Вот бы сейчас уснуть и проснуться лет через сто... Да нет, лет через сто никого уже не будет... Дней через сто... Ерунда... Зачем мне спать сто дней подряд? Мне бы часок-другой передохнуть...»

Я услышал, как что-то падает, и, только грохнувшись на пол, понял, что это упал я. Ко мне подскочили Лена, Василиса и Алина Николаевна.

– Что с тобой, Ванюша? – вскрикнула учительница. Голос у неё был, как у раненой птицы.

– Я уснул, – честно признался я.

Они мне помогли встать, и я увидел, как ребята дружно повскакали с мест, как одни смотрели на меня с сочувствием, другие с любопытством, а кто-то даже засмеялся.

– Знаешь что, мой хороший, иди-ка ты домой, – ласково сказала Алина Николаевна. – Ты, видно, не выспался.

– Да, – кивнул я, – спасибо... Я пойду.

– Горбуньков, а ты проводи Ваню до дома, – попросила Алина Николаевна. – И проследи, чтобы он лёг и заснул.

– Не надо, – сказал я.

– Надо! – твёрдо произнесла Алина Николаевна. – Слышишь, Горбуньков, до самой кровати!

– Конечно, – заверил Алину Николаевну Горбуньков. – Ул-ложу!

Он взял мой рюкзак, и мы вышли в коридор. В последний момент я увидел, как встревоженно на меня смотрит Лена. Алина Николаевна выскочила следом за нами.

– Ваня, – спросила она, – тебя не тошнит?!

– Нет, – я помотал головой.

– Это тебя Кошин так?

– Нет, – ответил я.

– Кошин, – вздохнула Алина Николаевна. – Ладно, идите. Только осторожно, Горбуньков, не торопитесь. Ты обязательно поспи, Вань!

Она вернулась в класс, а Горбуньков, как Алина Николаевна и наказала, медленно повёл меня домой, словно старичка какого-нибудь из поликлиники.

Где-то через час мы были дома. Почему мы шли так долго? От нашего крыльца до школьного – всего-то минут десять.

Горбуньков отпер дверь моим ключом, довёл меня до спальни, помог раздеться, даже носки с меня стянул, уложил меня в кровать и укрыл, словно заботливая мамаша. А потом сел на стул рядом, у изголовья, и, кажется, замурлыкал колыбельную. Без слов.

– Ты иди, – попросил я.

– Спи, – не заикаясь, ответил Горбуньков.

Я закрыл глаза. Больше ничего не помню. Я и снов никаких не видел...

Проснулся я, когда на землю опустились сумерки.

Вместо Горбунькова на стуле сидела мама. Она смотрела на меня так печально, что мне захотелось заплакать, только я не смог. Я и глаз-то левый не сумел открыть толком, так он у меня заплыл. К тому же мешала холодная примочка – полотняная тряпочка на скуле – видно, мама постаралась. От примочки приятно пахло травами.

Мама молчала, а потом улыбнулась и запела своим ласковым голосом:

– Не лети, стрела, выше города, ой ли, ой люли, выше города... Ой, не бей, стрела, добра молодца, ой ли, ой люли, добра молодца... Как по молодцу плакать некому, ой ли, ой люли, плакать некому...

И вдруг мама заплакала. Она плакала тихо, почти неслышно. По её щеке потекла сначала одна слеза, а потом другая и третья...

– Мам, ну ты чего? – я взял маму за руку, ладонь у неё была тёплая и чуточку влажная. – Ничего страшного ведь не произошло. Ну получил фингал. С кем не бывает?

– Горе ты моё луковое, – прошептала мама и поцеловала меня в лоб.

Слезинка скатилась у неё по щеке и капнула мне на нос. Я засмеялся, и мама тоже.

Я ведь знаю, почему она плачет. Потому что... у меня на лбу написано, что я – «горе луковое»! Но это не так! Я им всем докажу, что это не так.

– Дурачок ты мой, – шепнула мама.

И папуш ка... А я блинов напекла. Сейчас принесу.

Я их уже давно учуял, блины эти!.. Я ж говорю: нюх у меня, как у молодого пса.

Глава 6

У нас в стране почти все такие

Ночью я проснулся и пробормотал:

– Сколько дел, а я валяюсь! Зеркало говорящее для Лены – раз! Фингал – надо с ним что-то делать, мамина примочка не очень подействовала, – два! Мне ж завтра в выставочный зал к Петру – три! С сундуком разобраться – почему он так тяжело открывается – четыре! «Время Чародея», в конце концов, прочитать – пять!

За окном посигналил проезжающий автомобиль и заорал кот. Или кошка. В детстве я мог безошибочно угадать, кто кричит – кот или кошка. Сам не пойму, как у меня это получалось. Но потом этот свой талант я растерял, слишком часто отгадывал.

Таланты надо беречь. К примеру, я очень быстро считаю. Если бы у меня спросили, сколько будет две тысячи пятьсот семьдесят восемь, помноженное на сто пятьдесят девять, в былые времена я бы сразу ответил: четыреста девять тысяч девятьсот два. А сейчас я просто-напросто пропущу такой вопрос мимо ушей. На это существуют калькуляторы или, на худой конец, ручка с бумагой – бери и решай. А я свои таланты больше терять не хочу. Отвечу исключительно в экстренных случаях. Если, например, спросит Лена. Но она пока ещё ни разу ничего такого не спрашивала: о моих талантах догадываются не все.

За окном снова проорал кот и в очередной раз просигналил автомобиль. Мне стало интересно, что там происходит. Я осторожно встал, голова всё-таки ещё побаливала, в ушах шумело, синяк ныл, но я тихонько, чтобы не разбудить маму, на цыпочках подобрался к окну и выглянул на улицу.

И у меня снова, как и в прошлый раз, волосы на голове встали дыбом.

Это была та самая «Ока», белого цвета! И у неё горели фары, и вдруг, совершенно неожиданно, они потухли. Затем она бесшумно тронулась с места. И снова за рулём никого!

«Ока» медленно проехала до конца нашей улицы и исчезла. Мистика! Что же, мне снова это привиделось? Ведь кот орал! Или кошка? Да какая разница?!

Эх, если бы у меня под рукой оказался мобильник с фотокамерой, я бы точно успел эту загадочную машину сфотографировать! Но у меня не было даже обычного фотоаппарата. И в моём сундуке искать бесполезно, он хоть и волшебный почти, но это же не универсам.

Ещё весной я был обладателем древнего фотоаппарата марки «Фотокор № 1» – складного, со штативом, 1941 года выпуска. Это добро мне досталось от моего прадеда. К аппарату прилагались две стеклянные фотопластинки. Я умудрился снять на них маму и наше вишнёвое дерево, когда оно цвело. Потом я попросил одного соседа, он часто ездил в Москву по делам, отнести эти стеклянные пластинки в фотоателье – может, напечатают с них фотографии. А они взяли и напечатали, да ещё спасибо сказали, что им привезли такие чудесные снимки. Даже обещали послать на международную выставку в Австралию. Только наш сосед забыл оставить им адрес автора. То есть мой адрес. А после этого он в Москву больше не ездил.

Да... никто мне не поверит, что по городу катается автомобиль-призрак, пока я его не подкараулю и не сфоткаю. Где же раздобыть фотокамеру? Не надо было снимать вишнёвое дерево, сейчас бы фотопластинка пригодилась.

Я вернулся в кровать и вытащил из рюкзака «Время Чародея». Рукопись была не такая уж и толстая. Некоторых листов не хватало, судя по всему, их кто-то когда-то вырвал, а три страницы были совершенно пустые. Куда же подевались мысли волшебника Касмандьёрки? Что же получается? Не выдумка ли всё это? Как там было в предисловии?

Я перелистал несколько страниц назад и нашёл нужное место:

«...дневник может попасть в руки Чёрного мага Этхей... перепишет её на свой лад и, зачеркнув любую из мыслей Касмандьёрки своим чародейским карандашом, уничтожит её навеки! И тогда Волшебник никогда не сможет пройти по истинному пути!»

Выходит, эти самые пустые места, вернее, сначала не пустые, а исписанные Касмандьёркой, мог зачеркнуть своим карандашом Чёрный маг Этхей? И они безвозвратно погибли?! И Волшебник так и не смог пройти по истинному пути?

Бред! Нет в этом мире волшебников! Сказки всё это! Мифы Древней Греции! Не верю я в них, как и в дедов морозов, снегурочек и рождественских гномов! Я материалист! А если что-то и непонятно человеку, то это не волшебство и не магия. Просто пока не изученное явление, и все дела.

– Но автомобиль... – возразил я сам себе. – Без водителя шастает по городу... Неужели никто, кроме меня, его не замечает?

Я снова подкрался к окну, выглянул и вздрогнул.

На меня смотрел совершенно незнакомый кот, чёрный как смоль, с горящими жёлтыми глазами. Он не моргал и был похож на египетскую статуэтку.

Так продолжалось минуты три. С одной стороны, мне должно было быть страшно, но с другой – меня разобрало такое любопытство, что я развеселился.

Наконец кот шевельнулся, зевнул и внятно произнёс:

– Вместо того чтобы по ночам в окна глазеть на чёрных котов, ты бы лучше кран подвинтил, Кулибин! Мамке помощь, и тебе уважуха. Кстати, про зеркало не забудь! Хотя, зачем оно Ленке? Она и без него прекрасная! Какие тут споры-то?!

Сказал и испарился, а я... проснулся.

За окном светило солнце.

Ничего себе! Мне что, всё это приснилось? «Ока», кот и «Время чародея»?

Да нет, вот она рукопись, лежит на полу, и вот – пустые страницы! Значит, не всё оказалось сном. А жаль, что кот мне только приснился! Было бы здорово пообщаться с говорящим котом.

Вообще-то, говорящие животные в природе встречаются. Я имею в виду не только разных птиц – попугаев, скворцов и других пернатых, имитирующих человеческую речь, но, скажем, и собак. Например, я знаю одного пса по кличке Мишка, который повторяет за своими хозяевами: «Ай лав ю, Мишка». Не лично знаю, видел в Интернете. И таких примеров много: скажем, соседский кот Барсик выговаривает слово «мяч». А петух с улицы Пушкина по утрам не кукарекает, а кукует. Такой вот феномен природы. Его даже по нашему местному телеканалу показывали. Сидит на плетне и кукует. Может, его кукушка высидела. Хотя, вроде, наоборот – это кукушки подбрасывают яйца в чужие гнёзда. Так, о чём я вообще?

Я посмотрел в зеркало. Синяк явно стал поменьше, но потемнел. И как же я такой заявлюсь на выставку к Петру? Как покажусь гостям с Кубы? Неудобно... Правда, Пётр сказал, что синяки украшают мужчину.

И вдруг я подумал: «А что если я в школу не пойду? Имею я право хотя бы раз в жизни прогулять уроки?» Я ужасно обрадовался этой мысли.

«Во-первых, – развивал я её дальше, – можно заглянуть на чердак и сделать очередную попытку разгадать тайну сундука. Во-вторых, можно незаметно побродить по городу. Надену чёрные очки, накину капюшон, у моей футболки чудесный капюшон, в нём меня никто не узнаёт, и вперёд – искать «Оку»! Не привиделась же она мне! А в-третьих... что в-третьих? А! Ну да! В выставочный зал, к Петру, – картины развешивать и знакомиться с живым кубинским художником Эрнесто и его дочкой Нелькой, у которой мама русская. Значит, Нелька по-русски умеет говорить, или по крайней мере понимает... А зеркало?.. Может, Чёрный Кот прав? Зачем Лене зеркало?»

Словом, закрались в меня сомнения. А когда я в чём-то сомневаюсь, я переключаюсь на что-то другое. Время проходит, а там всё и ясно становится. Или не становится.

И выбрал я для начала сундук, «Оку» и кубинцев!

Любил я с людьми общаться, да и сейчас, разумеется, люблю. Конечно, в то время, когда произошли все эти события, я больше общался по Инету. В настоящей жизни – на улице, в школе или ещё где, мне общение такой радости не приносило. Нет, живые-то люди, безусловно, как-то живее выглядели, чем виртуальные. Но от живых можно было всякой ерунды ожидать, а от виртуальных... поменьше. Ведь с виртуальными, если не хочешь, и не общаешься. Переходи себе с одного чата или сайта на другой, и всем привет!

Некоторые пользователи социальных сетей загоняют тех, кто им не нравится, в чёрные списки. Или из друзей удаляют. Но я так делать не люблю. С людьми надо по-доброму, а если что-то не так, всегда можно промолчать или тихонько уйти. Чего злиться-то?

В настоящей жизни это не всегда получается. Вот, например, от нашего соседа Пупса просто так мне никогда не удавалось избавиться. Если уж приставал бухгалтер со своими нравоучениями, то, считай, время потеряно.

Я быстро оделся, напялил на нос мамыны солнечные очки, они у нас общие, универсальные, – стесняться нечего, и выбежал во двор.

Эх! Здорово! Лето ещё, хоть и сентябрь, небо тёплое, душа ликует! На велике, что ли, прокатиться? Надо камеры подкачать...

Из окна выглянул Пупс. Сейчас окликнет меня и пристанет с нудными разглагольствованиями о жизни! Я быстро выскочил за калитку. Слава Богу, не заметил...

В небе ни облачка. Красота! Хотя с облаками я больше люблю. Когда бегут они неизвестно куда, в какие страны, и все ими любят...

Чего-то на чердак не очень-то и охота. Подождёт сундук!

Я забыл про все дела, которые у меня в голове аккуратно разложились по полочкам, и помчался с нашего пригорка к Синей речке.

На берегу никого не было. Я совершенно один! Это так здорово, когда кажется, что весь мир – твой! Ну не весь мир, а речка, в которой ты уже поплавал-понурыл, и ещё можно хоть тыщу раз! А пока валяйся себе на песочке и загорай!

И церковь с синими куполами тоже твоя, и колокольный звон, который разносится над землёй и в душе. И она, душа, становится от этой музыки огромной, больше, чем весь мир и миллион вселенных, вместе взятых!

Я вдруг подскочил от ужасной догадки. А что если «Ока» – вовсе и не «Ока», а пришелец из другого мира?! А чего? Они в кого угодно могут превратиться и принять образ хоть человека, хоть червяка гигантского! И почему надо обязательно обернуться монстром? Вот стал «Окой» – и катайся себе по ночам, наблюдай за людьми!

– Да ну, ерунда! – воскликнул я. – Глупости! Что можно наблюдать в нашем городе? Только сахарный завод! Да кому он сдался?

За спиной раздался смех. Я от неожиданности вздрогнул. Пришелец!!!

Я медленно повернул голову... Смеялась девчонка. Босая. Она была в ярко-жёлтой майке и в джинсовых шортах. Стройная, очень смуглая, с длинными тёмными волосами, заплетёнными в косички. С огромными весёлыми чёрными глазищами, носом-кнопкой и ртом до ушей. В руках она держала по босоножке.

Я-то сразу понял, кто это, но как она здесь очутилась?

– Привет, амиго! – весело поздоровалась со мной девочка.

– Привет, Нелька! – ответил я и с удовольствием принялся наблюдать за тем, как у неё от изумления поползли кверху её красивые тонкие брови.

Причём ползли они не так уж и быстро, секунд пять. Значит, долго удивлялась и никак не могла понять, откуда я знаю, как её зовут.

– Я первый раз в вашем городе и всего второй день! Кто тебе про меня рассказал? – наконец спросила она.

Умная, ничего не скажешь. Быстро сообразила. Но мне стало весело, и я прикинулся дурачком. Кстати, она прекрасно говорит по-русски. С лёгким таким акцентом.

– Никто не рассказал, – я пожал плечами. – Я мысли читаю.

– Ну и откуда я приехала? – она прищурилась. – Вот о какой стране я сейчас думаю?

– Ты не ту страну думаешь, – ответил я. – А вот сейчас ту... Ты с Кубы.

– Ха! – воскликнула Нелька. – Ты что, правда отгадываешь мысли?

– Да, – простодушно ответил я. – У меня много талантов.

– Ну ты и скромник, – протянула Нелька. – Тогда скажи, сколько будет сто тысяч сто одиннадцать, помноженное на пятьсот пятьдесят пять!

– Пятьдесят пять миллионов пятьсот шестьдесят одна тысяча шестьсот пять, – ответил я через секунду.

– Ничего себе! – засмеялась Нелька. – Да ты гений!

– Нет, – ответил я. – Я простой российский мальчик. У нас в стране почти все такие.

– И как тебя зовут, простой российский мальчик? – улыбнулась Нелька.

– Ваня, – ответил я и как ни в чём не бывало добавил: – Поплаваем?

– Поплаваем! – весело откликнулась Нелька и быстро стянула с себя верхнюю одежду. На ней был забавный жёлтый купальник с разноцветными смайликами.

Интересно, как её всё-таки отпустили одну? Да ещё и к реке? Ведь всего второй день в стране... Правда, городок у нас мирный, только вот призраки по ночам прохожих пугают, а так ничего. Ну и всякие недоразумения случаются – в виде Лёхи-боксёра.

– Побежали! Кто первый? – крикнула Нелька и, не дожидаясь меня, помчалась к воде.

Я бросился следом... Плавала она, как рыба! Я ещё никогда не видел, чтобы девчонка так ныряла. Правда, я особо с ними и не нырял. Как это было здорово!

Минут через сорок мы продрогли и выползли на берег.

Возле нашей одежды развалился Кощей. Он жевал травинку и ехидно улыбался.

Глава 7

Улыбка спасёт мир

Нелька поздоровалась с Кощей так же весело, как и со мной:

– Привет, амиго!

Неожиданно, наверное, и для самого себя, Кощей покраснел. Ничего себе, у него даже уши запылали! Но он не встал, как это полагается в приличном обществе, а остался сидеть.

– Это... Хелло! – Кощей напрягся, вспоминая английские слова: – Гуд бай...

На меня он вообще не посмотрел. Только на девочку с Кубы. Да и я, если честно, не мог отвести от неё глаз. Всё-таки правильно сказал писатель Фёдор Михайлович Достоевский, что красота спасёт мир. Может, она и Кошею спасёт? А если не красота, то улыбка точно. Уж очень задорно и по-доброму улыбалась моя новая знакомая.

И тут Кощей выдал такое, что у меня челюсть отвалилась! Ничего подобного я от него услышать не ожидал. Мало того, он произнёс это без запинки.

– Куба, – выпалил Кощей, – остров свободы!

Ух ты! От него обычно фразы-то нормальной не дождёшься, а тут он в самую тютельку попал. Про Кубу! Он-то откуда узнал, что она с Кубы?

Нелька рассмеялась и тряхнула своими весёлыми косичками. Их у неё штук сто!

– Всё вы про меня знаете, – сказала она. – А я здесь всего второй день!

И тут Кощей встал и... – вот это да! – вежливо представился:

– Лёха... Алексей Кошин. Боксёр.

Нелька протянула ему руку. Кощей совсем смутился. Быстро вытер ладонь о штанину и осторожно пожал кубинке ладошку. Двумя пальцами. Нелька расплылась в улыбке.

– У нас на Кубе боксёров очень уважают, – сказала она.

Я вмешался неожиданно. Сам не успел понять, что это я говорю:

– Лёха выиграл открытое первенство города! В прошлом году. Всем от него досталось! И ребятам из других городов.

– Да ладно тебе, – хмыкнул Кощей. – Ничего особенного... Когда это было...

– А где ты тренируешься? – спросила Нелька. – У вас в городе есть школа бокса?

Кощей посмотрел в сторону. Потом на меня. Я молчал, ждал, как он выкрутится.

– Да тут было дело... Я одного пацана малость того... – Кощей собрался с духом и выдохнул: – Исключили меня из секции.

Нелька серьёзно взглянула на него. Помолчала, а потом спросила:

– И что дальше?

– Не знаю... – вздохнул Кощей. – Я без ринга не могу. Дома тренируюсь. У меня груша боксёрская висит. По ней и бью. Ещё бегаю по утрам и плаваю.

– Правильно, – сказала Нелька. – Форму надо держать. Что бы там ни было.

– Стараемся... – он улыбнулся. – Я ж понимаю... Жизнь продолжается!

Ну и ну! Я никогда не видел, как улыбается Кощей! Он мог хмыкнуть, загоготать, осклабиться, он мог ощериться, рыкнуть, огрызнуться... Но чтобы так вот легко, можно сказать, светло и открыто кому-то улыбаться – не было такого. Фантастика!

– Может, искупнёмся? – вдруг предложил Кощей. – Погодка отличная, водичка – ещё круче! Я сегодня уже два раза окунулся. Бог троицу любит! А? Ну чего?

– Спасибо! Я бы с удовольствием, – ответила Нелька, – но мне пора.

Кощей изменился в лице. Не в смысле разозлился, как обычно, а... не поверите, он опечалился.

– Мне правда пора, ребята, – извиняющимся тоном произнесла Нелька. – Я и без того сбежала от моего папочки! Если хотите, пойдёмте вместе, мне на выставку.

– Ты как, Вань? – спросил Кощей, который за всё время нашего общения ни разу не назвал меня по имени.

Не дождавшись ответа, он быстро нагнулся и подал Нельке её майку и джинсы, а потом скомандовал:

– Вань, ну ты чего? Отвернись! – и сам тоже отвернулся.

Пока Нелька одевалась, Кощей беззаботно насвистывал мелодию песни Димы Билана «Невозможное возможно» и следил за тем, чтобы я не подглядывал за кубинкой. Да я и не собирался.

– Вы так и будете стоять? – услышали мы крик Нельки и дружно повернулись.

Забавно! Когда она успела? Нелька стояла на пригорке, метрах в пятидесяти от нас.

Девчонка – она и есть девчонка. И шутки у них, у девчонок, такие же!

Мы побежали к ней, Кощей добежал первым, всё-таки боксёр, хоть и дисквалифицированный. Даже не запыхался.

– А чего там, на выставке, делать? – спросил он, когда мы вышли на тропинку, ведущую напрямик к началу Малой Моховой.

– У меня папа художник, – ответила Нелька. – Привёз свои картины и работы других кубинских художников. Они будут экспонироваться в вашем выставочном зале.

– Ну-ну, – произнёс Кощей, а потом всё-таки переспросил: – Чего будут?

– Экспонироваться, – повторила Нелька. – То есть выставляться, чтобы их посмотрели другие.

– Экспонироваться, – встрял я, – от слова «экспонат». Это когда их выставляют на выставке для экспонирования.

Кощей неодобрительно глянул на меня, но, как ни странно, ничего грубого не сказал.

Метров через пятьдесят он без единого слова сорвался с места и совершенно без усилий перемахнул через потемневший от времени полутораметровый забор, за которым стояла брошенная дача. Таких дач в нашем городе много, и никому они не нужны.

Мы с Нелькой остановились в недоумении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.